

Екатерина Бордон

СТО ВОПРОСОВ КАК БЫ ОБО МНЕ



Екатерина Бордон

Сто вопросов как бы обо мне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69332551

SelfPub; 2023

Аннотация

Макару 13, и отношения с окружающим миром у него не очень-то складываются. Из-за мрачного вида одноклассники дразнят его Макар-кар-кар, мама называет безответственным, а младшая сестра Аська изводит болтовней. Макар и рад бы её игнорировать, но как прикажете это делать, если она навязываться со своей любовью, как кокер-спаниель? Доходит до того, что Макар даже соглашается заполнить Анкету для девочек, лишь бы она отстала. Кто ж знал, что там сто вопросов?! И уж точно никто (и в первую очередь Макар) не ожидал, что эти вопросы заставят его о многом в своей жизни задуматься и повзрослеть. Смириться со смертью папы и новыми отношениями мамы, наладить отношения с лучшей подругой, которая внезапно призналась ему в любви, и стать для Аськи настоящим старшим братом.

Екатерина Бордон

Сто вопросов как бы обо мне

Глава 1. Кастрюля у меня внутри

Мама все время повторяет, что, раз уж папы у нас нет, я в семье должен быть за мужчину.

Ладно. Окей. Это я понимаю.

Только почему я должен быть еще и за женщину?!

Внутри у меня все кипит. Как будто там кастрюля с пельменями, которую на плиту поставили, а крышку снять забыли. Того и гляди взорвусь!

Три... два... один...

– Да сиди ты ровно! – рявкаю я, когда Аська вытирает мокрую щеку о плечо.

Просто как прикажете делать ей хвостики, если она елозит все время? И банты эти дурацкие... У нее как будто еще две головы выросло! Не ребенок, а Змей Горыныч какой-то.

– Не реви. Я сейчас придумаю что-нибудь. Поняла?

Аська кивает. И смотрит на мое отражение в зеркале с такой надеждой... Я от этого только сильнее злюсь. И рядом с горячим в груди возникает холодное. Маленькое, будто в кастрюлю у меня внутри бросили ледышку.

Делать-то что теперь?

Я сжимаю расческу в кулаке и бестолково оглядываюсь. Ага, вдруг решение под диван закатилось. Или прячется под кучей аськиных платьев, которые мы из шкафа выгребли. Рядом коробки с туфлями, ящик с носками, какие-то кофты, колготки с дырками... И поверх всего этого великолепия Аськины ноты ровным слоем. Это их ветром так разбросало, когда я форточку открывал. Не могу, когда душно.

Аськино отражение разглаживает платье на животе и шумно втягивает сопли в нос.

– Ты придумал?

– Варежку закрой.

Живот у Аськи круглый и мягкий, будто ватой набит. Она почти вся такая – круглая и ватная. А нос, наоборот, – длинный и острый.

– А теперь придумал?

Однажды она меня достала (вот как сейчас), и я сказал, что в детстве ее не за руку, а за ноздри в садик водил. Вот и вытянулся носыра! Ох, как она ревела... Мама меня чуть не прибила тогда, хотя ясно же, что это шутка была.

Ну, смешно же?

– Лучше бы у меня были короткие волосы. Как у Насти...

Вообще, Аська редко нюни разводит. Мы с ней оба такие – все держим в себе. Но сегодня у нее первый отчетный концерт в музыкалке, а у мамы педсовет затянулся. С педсоветами всегда так, они вообще никогда вовремя не заканчивают-

ся. Так что пришлось мне сначала Аськино платье гладить, потом туфли искать, а под конец еще и парикмахером работать.

Нет, это нормально вообще?

– Мака-а-ар... А теперь?

Волосы у Аськи светлые, тонкие и какие-то... скользкие. Банты на них вообще не держатся. Сползают и падают прямо в Ниндзины лапы. Это наш кот. Лежит на полу и смотрит на меня, как будто ухмыляется. На самом деле, так только кажется из-за шрама на морде (это его собаки подрали). Но я все равно направляю на него расческу и делаю вид, что стреляю. Бах! Ниндзя в ответ широко зевает и поворачивается ко мне филейной частью с обрубком хвоста.

Блохастое чудовище.

Вот попроси у меня сосиску, попроси!

Я вожусь с Аськиными волосами еще минут пять, а потом понимаю – все, пора смириться с неизбежным и признать поражение:

– Может, с распущенными?

Аська делает скорбное лицо: уголки рта ползут вниз, губы трясутся...

– Но Ануш Аспетовна сказала...

Я молча показываю ее отражению в зеркале кулак. Вот честно, если она еще хоть слово скажет... Мы буравим друг друга взглядами. Наверное, что-то такое есть в моем лице, отчего Аська понимает, что лучше сейчас со мной не спо-

ритель. Спрыгивает со стула. Плетется в коридор. Шаркает ногами, будто каждая весит тонну, не меньше. А потом вдруг замирает, прислушиваясь, и верещит во все горло:

– Мама идет! Мама! Мама!

Я и сам слышу, как ключ ворочается в замке.

– Мама-а-а! – вопит в экстазе Аська.

Вжикает молния пуховика, шелестят пакеты. Мама заглядывает в комнату и демонстративно оглядывает бардак, который мы учинили... До-о-олгим таким взглядом. И только потом смотрит на меня.

«Ничего-то ты не можешь нормально сделать, Макар», – с усталым укором говорят мне ее глаза.

А мама вслух произносит:

– Дай сюда банты. Пакеты иди разложи. Рыбу – в морозилку.

* * *

Вот в этом и есть вся беда.

В том, что она вообще никогда со мной нормально не разговаривает. Только смотрит! А у меня от этих ее взглядов стынет кровь и внутренние органы жмутся друг к другу от холода...

И еще мама постоянно решает проблемы. Причем даже там, где их в принципе нет!

«Руки помыл?»

«Уроки сделал?»

«Футболка не задом наперед?»

Ну, я же не совсем тупой, мам. Помыл. Сделал. Где этикетка, там и спина.

Вот и сейчас. Она думает, я сам не догадаюсь сунуть рыбу в морозилку? В нижний ящик, где мы (внимание!) всегда храним рыбу. Для особо одаренных на нем даже изображение рыбки нарисовано. Мультяшное такое.

– Макар, сложи ноты.

Скрипнув зубами, кладу несчастную рыбешку на стол и молча иду в зал. Мама за считанные мгновения собирает Аськины волосы в хвостики. Затягивает их сначала тонкими резинками типа тех, которыми раньше пачки денег скрепляли, и только потом, поверх резинок, завязывает банты. Ловко. И как, интересно, я до такого додуматься должен был?

– Положи... – начинает она.

– Да знаю я, знаю!

Вот не хотел огрызаться, честно. Просто сколько можно меня за идиота держать? Видишь вот эту круглую штуку у меня на плечах, мам? Называется ГО-ЛЮ-ВА!

Я сердито собираю ноты и кое-как запикиваю в папку с кудрявым чудиком на обложке. Бетховен небось. Или Шопен какой-нибудь.

– Давай я, – заговорщицки шепчет Аська. Вытряхивает ноты и складывает правильно: так, чтобы страницы шли одна за другой, уголок к уголку. У нее вообще какой-то пунктик

на порядке. И еще на насекомых. И на Насте.

Короче, не сестра, а одна сплошная заморочка.

– Макар! Я вообще-то тебя просила!

Я сердито вырываю папку из Аськиных рук и заталкиваю в кофр для баяна, похожий на черный ящик из «Поля чудес». Это такая передача, бабушка уже тридцать лет ее каждую пятницу смотрит по телевизору. Ей вечером с семи сорока пяти можно даже не звонить, все равно не возьмет трубку.

«Поле чудес» – это святое!

Не удержавшись, нажимаю пару кнопок на баяне. Стук, стук, стук... Он Аське от деда достался. Ну, то есть как... Дед его сначала мне подарил, и я честно пытался с ним в музыкалку ходить. А потом передал Аське по наследству. Мне надоело, и я бросил.

Я вообще все бросаю.

Такой уж я человек.

И все равно хорошо, что инструмент без дела не стоит.

– Сейчас таких не делают! – говорил дед, с любовью поглаживая глянцевый корпус баяна. Зеленый, с белыми кнопками. – Это знаешь, какой баян? Тульский! Мелодия с двумя регистрами, переключаемый розлив. Такой сто лет будет служить и не сломается.

Я тогда, помню, расстроился, потому что на день рождения вообще-то боксерские перчатки хотел. А тут баян...

– Макар! – недовольно окликает мама. – Что ты там ко-

паешься?

Я захопываю кофр – клац – и закрываю на два замочка. Помогаю Аське надеть на спину коричневые ремни и с трудом подавляю улыбку. С этими хвостами она теперь на улитку похожа! Только дом на спине не круглый, а квадратный.

Аська натягивает шапку с помпоном и варежки. Я ныряю ступнями в раздолбанные кроссовки, а руками – в рукава куртки. Мама косится на мои голые лодыжки, но ничего не говорит, и мы выходим.

Ух, на улице-то прямо февральская метель! Аська с мамой идут сквозь нее, взявшись за руки, и под ногами у них хрустит и искрится. А я сзади один.

Ну и ладно.

Все равно мне никто не нужен.

* * *

Короче, остались от рыбы рожки да ножки.

Точнее, хвост и голова. Ну, может, пара косточек еще. Потому что в морозилку я эту треску несчастную убрать все-таки забыл. С кем не бывает? Вот только Ниндзя ее нашел и сожрал. И, главное, дрыхнет теперь прямо на месте преступления! Сытым пузом кверху.

Мама за моей спиной молчит, но как-то очень громко. Получается прям не молчание, а драматическая пауза. Как в театре. Быть или не быть! О, бедный Йорик! Аська шепчет:

– Ой-ей...

И мама, наконец, отмирает:

– Поздравляю, на ужин картошка без ничего.

Можно было бы, конечно, попытаться ей объяснить, что тут не только я виноват. Что это она меня нотами отвлекла, вот я и забыл! Но я же знаю, что смысла нет. Лучше бы накричала... Но у мамы такой принцип, что на детей нельзя кричать. И шлепать нельзя. И в угол ставить. Это же непедагогично.

А педагогично буравить меня взглядом, как сверлом?

– Я все уберу, – говорю. А мама фыркает:

– Да уж пожалуйста!

Вот зачем она так? Даже если я и правда виноват, сложно что ли доброе что-то сказать? Аське она на концерте так громко хлопала, что у меня всю дорогу домой в ушах звенело. Хотя даже мне было ясно, что она свою «Кумпарситу» с ошибками сыграла.

– И картошку почисть, – добивает мама. Бах! Контрольный в голову.

Я не отвечаю. Слышу, как она моет руки в ванной, как говорит что-то Аське, дверцу шкафа закрывает. И кастрюля у меня внутри опять начинает бурлить и кипятком плеваться.

Буль! Буль! Буль!

Не знаю, сколько я так стою. Может, минуту, а, может, все десять. Или сто лет вообще. Аська на цыпочках заходит в кухню с веником и совком. И от того, как она вжимает голо-

ву в плечи, из моей кастрюли с шипением выплескивается кипяток.

– Дай сюда, – сиплю я чужим хриплым голосом. Наверное, голосовые связки внутри обожгло.

– Я тебе помогу.

Аська протискивается между мной и столом и начинает бестолково возить по полу веником. Возит, возит, возит... Хотя я же вижу, ее прям передергивает всю от вида рыбьей головы! И еще все время в глаза мне заглядывает, прямо как... собачонка какая-то.

– Дай сюда, я сказал! – рявкаю я.

Бросаюсь вперед, выдергиваю веник у нее из рук и шваркаю им об пол.

Губы у Аськи тут же начинают трястись. Лицо все сморщивается. Руки мнут платье на животе. И вид становится такой, будто я ударил ее своими словами, как кулаками бьют.

Кастрюля у меня внутри остывает так же быстро, как закипела. Я же не хотел ее на самом деле обидеть. Просто что-то... что-то сначала как будто распирало меня изнутри, а потом разом выплеснулось. Какой-то кипяток. Какая-то кислота!

Я не хотел, чтоб на Аську попало.

– Ась...

Аська бросается в ванную. Хлопает дверь. Тах! Так громко, что даже Ниндзя просыпается. Открывает один глаз, перекатывается на другой бок и смотрит на меня осуждающе.

Я тоже на него смотрю – хмуро и недовольно:

– Это все ты виноват, – говорю.

Но Ниндзя не реагирует. Может, совсем осоловел от обжорства, а, может, знает, что это я во всем виноват. Я и только я.

Ну, как всегда, в общем.

Глава 2. Мака-кар-кар!

Сперва, еще в детстве, я ходил на плаванье. Потом в ху-дожку и на хоровое пение. В третьем классе на брейкданс, в пятом – немножко на шахматы и в школьный кружок «Аптека здоровья». Потом на футбол – целый год почти, мой рекорд! Затем меня каким-то ветром на гитару занесло. И один раз даже на гандбол. Но это, наверное, не считается, потому что я даже до конца первой тренировки не доиграл. Просто аккуратно положил мячик на пол и вышел в дверь.

Маме честно сказал, что не мое.

Но она все равно наградила меня своим фирменным долгим взглядом. И молча продолжила тетрадки проверять. У нее каждый вечер этих тетрадок целая гора. Вечно обложится ими, будто в крепости сидит... А я пошел спать. И с тех пор вообще ни на какие кружки не хожу, чтобы меня не доставали, что я все бросаю.

Ну, бросаю. И что такого?

Я же не виноват, что сначала мне все кажется интересным,

а потом вдруг – р-р-раз! И как отрезало. И тогда меня уже ничем не заставишь опять пойти. Потому что какой смысл, если душа вообще не лежит? К школе, конечно, тоже не лежит, но тут уж ничего не поделаешь. Школа – неизбежное зло.

А Тамара Максимовна – темный ангел возмездия.

– Чудаков, к доске!

С Тамарой Максимовной шутки плохи. Мама говорит, это оттого, что она учитель «старой закалки». Еще советской. Не знаю, сколько ей лет. Наверное, двести. Я бы на ее месте давно уже наслаждался пенсией, а Тамара Максимовна каждое утро приходит в школу и железной хваткой держит за горло наш восьмой «А». Говорит, мы у нее последние на классном руководстве. Вот выпустит нас, и тогда с чистой совестью в деревню к сестре уедет.

– Чудаков, у меня еще двадцать семь человек по списку.

А еще про Тамару Максимовну ни за что не подумаешь, что у нее такой твердый характер. Сплав титана с бетоном, вот честно! С виду-то она божий одуванчик с этими ее белыми кудряшками... А взгляд как у ястреба!

Я неохотно встаю, и Космос с Котом шипят с первой парты:

– Мака-кар-кар! Макар-кар-кар!

И принимаются руками размахивать, типа как крыльями. Им кажется, это смешно. И остальным, наверное, тоже, раз все смеются. Хотя этой «шуточке» сто лет уже. Если, конечно,

но, можно ее вообще так назвать.

Я же не просто так в черном хожу.

– Тишина! – титаново-бетонным голосом командует Тамара Максимовна, хряснув ладонью об стол. Ну, и на том спасибо.

Я выбираюсь из-за парты. Прячу руки в карманы толстовки и нарочно медлю. Неуклюже ноги волоку. Учебник роняю. Словом, не иду, а плетусь. Делаю максимально скучающий вид и как бы случайно бросаю взгляд на первую парту третьего ряда. Равнодушный и отстраненный. Но надо же проверить, смеется К. или нет.

Не смеется. И вообще на меня не смотрит. Читает под партой какую-то книгу и как обычно грызет карандаш. Может, она бобром в прошлой жизни была?

Я встаю у доски и молчу. А Поинка с последней парты корчит мне рожу. Приободрить пытается? Или напугать?

– Ты учил? – строго спрашивает Тамара Максимовна.

Я молчу. Кот достает телефон и начинает снимать.

– Макар!

Я молчу.

– Ты вообще думаешь о будущем?

Конечно, думаю. Только о нем. Потому что в будущем, которое наступит минут через пятнадцать, литература, наконец, закончится, и мы пойдем в столовку. Я еще перед первым уроком учуял, что сегодня будут пельмени.

– Макар!

Пельмешечки, пельмешки вы мои...

Тамара Максимовна выносит приговор.

– Садись, Чудаков. Двойка.

Космос и Кот беззвучно аплодируют. Я возвращаюсь за парту и отворачиваюсь к окну. Какая мне разница, что они все обо мне думают? Даже К. Я-то знаю, что я не дурак. И стихотворение я на самом деле выучил. Там же двенадцать строчек, надо совсем дебилом быть, чтоб не запомнить! Просто Тамара Максимовна так на меня смотрела там у доски... Обреченно. Как будто ничего толкового во мне нет и быть не может.

И я нарочно... я из упрямства промолчал!

Ну и чтобы вы не сомневались, что я правду говорю...

Вот:

*Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.*

Это, кстати, Лермонтов.

М.Ю.

* * *

Сейчас будет шок-контент. Кот – на самом деле не Кот!

Просто фамилия у него такая – Котовский. И здесь самое смешное, что я понятия не имею, как его на самом деле зовут. Он к нам в начале этого года перевелся и даже несколько дней со мной за одной партой сидел. Я прослушал, когда Тамара Максимовна его представляла, а потом стыдно было переспросить. Как вы вообще себе это представляете? Делим мы столбиком или там про инфузорию тувельку слушаем, и я ни с того ни с сего вдруг брякаю: «Кстати, как уж там тебя зовут?»

Ну, бред же.

Сначала я пытался как-то разузнать, но учителя его всегда по фамилии зовут – Котовский то, Котовский се... Остальные только Котом и называют, так что, может, тоже не в курсе, как его на самом деле зовут.

А вот Космос и правда Космос.

Честно.

Не знаю, чем родители думали, когда его так называли. Хотя, может, догадывались, каким он вырастет огромным. Прямо необъятным! Если в школе появляется новый охранник, Космоса даже на уроки не пускают. Не верят, что он в

восьмом классе, потому что в нем роста метра два! И волосы уже на лице растут. И в подмышках, и на животе, и на спине... Я мельком видел, когда мы на физре переодевались. Космос не любит, когда на него пялятся. Прямо бешеный становится! Так что все смотрят, конечно, но тайком.

А еще мы с Космосом в детском саду были лучшими друзьями. Правда. У нас даже раскладушки в сончас всегда рядом стояли. И мы вместо того, чтобы спать, делали друг другу массаж: сначала он вытягивал руку и я ее щипал, а затем наоборот. Ну, типа, рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, ехал поезд запоздалый... Вся фишка была в том, что один должен как можно сильнее щипать, когда там курочка зерно клюет или слон идет. А другой – терпеть и не плакать.

Понятия не имею, зачем мы вообще это делали. Ходили потом все в синяках. Мама меня даже к врачу водила, думала, может, это болезнь какая-то. А Космос и правда больной – у него астма, так что он всегда на шнурке на шее мешочек с ингалятором носил, как другие дети ключ носят.

Когда перед первым классом родители Космоса решили в Москву переехать, мы так рыдали, что чуть не захлебнулись. Поклялись, что всегда будем лучшими друзьями, и я специально ни с кем в школе не дружил, потому что это было бы предательство (Полинка, ясно дело, не в счет). Но в итоге что-то там не срослось у родителей Космоса, и они вернулись. Через семь лет! И Космос попал в наш класс!

Бывают же совпадения, да?

Я, понятное дело, был в восторге, но в школе Космос просто мимо прошел. Я сначала подумал, может, он просто меня не заметил с высоты своего роста, я-то вообще с детского сада почти не вырос, предпоследний стою на физре, ниже только Нарик, но он совсем доходяга. В общем, я все время как будто случайно мимо Космоса проходил и бормотал себе под нос: «Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, ехал поезд запоздалый...». Хотел, так сказать, освежить ему память. Но Космос ни разу в мою сторону не посмотрел. Шел себе дальше по своим космическим делам. Необъятный и ледяной.

А потом подружился с Котом.

Вот те на, как бабушка говорит.

* * *

Пахло пельменями, а на обед дали котлеты!

И это гадство полнейшее, потому что в нашей столовой к условно съедобным можно причислить только три блюда. По «старшинству» от самого вкусного: пельмени, макароны с курицей, творожная запеканка. Все. Остальное не имеет морального права называться едой. Особенно суп (все супы) и омлет. Он (суп или омлет?), во-первых, подозрительного голубого оттенка. А, во-вторых, плавает в какой-то мутной жидкости и дрожит, как желе, если шлепнуть по нему ложкой.

Котлета в этой пищевой цепи где-то посередине.

– Макар-кар-кар! Макар-кар-кар! – орет с соседнего стола Кот. Космос ржет и пихает его локтем в бок, но я старательно не обращаю на них внимания.

Я жую свою унылую котлету и думаю, вот бы К. подавилась.

Не до смерти, конечно! Ну, просто поперхнулась, потому что она же опять смотрит в книжку вместо тарелки. Тогда бы я ее спас, и у нас появилась общая тема для разговора. О, привет! А помнишь, как ты подавилась тогда котлетой? Ха-ха, хорошо, что я знаю прием Геймлиха.

Я, кстати, и правда его знаю. Нужно встать у человека за спиной. Одну руку сжать в кулак и положить на живот пострадавшему, а большой палец вытянуть, чтобы он упирался ему под ребра. Посередине тела. Потом свободной ладонью снизу обхватить кулак первой руки и резко согнуть обе руки в локтях. Давить надо внутрь и как бы немного вверх.

Все, человек спасен! Ну, теоретически.

– Макар-кар-кар! – не унимается Кот. Я показываю ему средний палец, чем вызываю новый приступ истерического хохота. Даже не знал, что я такой смешной.

– Как думаешь, откуда взялись слова? – спрашивает вдруг Полинка. Я аж подпрыгиваю! Она так тихо сидела все это время, что я вообще успел про нее забыть. Вонзила вилку в кусок котлеты, поднесла ко рту и застыла, будто ее кто-то на паузу поставил. Но для Полинки это нормально. Она все время так делает. Тормозит по-страшному. Или, не знаю, в

какое-то другое измерение уходит.

К остальным единорогам.

– Слова, – повторяет Полинка, торжественно опуская вилку обратно в тарелку. – Откуда берутся слова?

Я пожимаю плечами. Какая разница? Зачем вообще об этом думать?

– Почему вот стол называется столом? Дерево – деревом. Птица – птицей... Как так получилось?

Полинка, нахмурившись, смотрит в пространство. Ниндзя, мой кот, тоже иногда так делает. Встанет в дверном проеме и буравит стеклянным взглядом пространство. Или вдруг шипеть начнет...

Вот же жуть! Что они там видят такое, чего я не вижу?

Аськин класс тоже обедает после четвертого урока, только на другом конце столовой – в зоне для младшекласников. У них там разноцветные столы и какие-то зайчики (котики?) на стенах. Аська обычно сидит со своими подружками, но я до сих пор не могу запомнить, кто из них Настя. Кажется, рыжая.

Аська вдруг ловит мой взгляд и тут же принимается размахивать руками. Так яростно, что почти из штанов выпрыгивает! Я тут же взгляд отвожу и делаю вид, что не заметил ее.

Не знаю, почему мне всегда так неловко.

А, может, и знаю. Просто мне как-то не хочется себе в этом признаваться. Потому что если тебе стыдно, что у тебя

такая сестра, такая толстая и странная, то ты, наверное, так себе человек. Максимум на три с минусом...

В животе у меня громко урчит, и Полинка, вынырнув из своего транса, принимается быстро работать челюстями. Настроение от этого зрелища портится окончательно. Моя-то порция, похоже, уже переварилась! И теперь опять как будто хочется есть.

– Ты макароны будешь доедать? – спрашиваю я. Таким тоном, как будто чисто из вежливости интересуюсь, а так-то мне все равно.

– Угу, – отвечает Полинка. Рот у нее огромный и вдобавок дырка между передними зубами. Я бы, наверное, вообще не смог улыбаться с таким-то кратером во рту.

– Или вот, например, макароны. Кто решил, что они будут макаронами?

Полинка смотрит в свою тарелку так, будто там на дне величайшая тайна Вселенной, а не лужа растаявшего масла. Я опять пожимаю плечами и незаметно сглатываю слюни.

Блин. Жалко. Я тоже ее макароны доесть хотел.

* * *

Знаете, что? Убить эту Полинку мало!

Можно подумать, мне вообще делать нечего, кроме как сидеть и размышлять над тем, почему макароны называются макаронами!

Ну, то есть сейчас я и правда ничем не занят – жду, когда у Аськи закончится какой-то школьный кружок, а телефон сел. Так что я потею в старой зимней куртке, злюсь и думаю про то, откуда взялись слова.

Может, в древности были какие-то старейшины у племен? Типа друидов! Бородатые такие, в белых балахонах. И вот собрались однажды все эти Гендальфы вместе на большой поляне. С посохами в руках и все такое. И начали по очереди тыкать в разные предметы. Типа это будет «дерево», это «трава», это «небо».

Так что ли?

А самое смешное, что я ведь теперь все время буду об этом думать. И из-за этого в голове вообще не останется места на квадратные корни, дискриминанты и всякие рациональные дроби.

Потому что они-то рациональные, а я – нет.

Такой уж я человек.

– Привет, Макар, – говорит кто-то тихим ангельским голосом.

Я тут же выпрямляюсь. К.! А я весь красный, потный и вдобавок в стремной старой куртке с росписью на спине – бабушка там мотоциклиста нарисовала. О-о-ох... Как всегда, блин, до последнего тянул, чтоб за Аськой идти, вот и сдернул с крючка, что попало!

К. перебрасывает косу со спины вперед и поудобней перехватывает лямки рюкзака. Лицо у нее, как всегда, очень

бледное и сосредоточенное. В общем, сложное такое лицо.

– Тоже на дополнительные?

Я закидываю щиколотку одной ноги на колено другой, чтобы спрятать место, где джинсы протерлись, и стараюсь принять максимально расслабленную позу. Блин! Ну, как так-то? Вот только что сидел и было вроде удобно, а теперь как не повернусь, все не то. Куда я раньше-то руки-ноги девал?

– По русскому? – уточняет К. – Тоже слышал про то, что олимпиадникам могут лишний балл накинуть? От кого?

– Э-э-э... – глубокомысленно отвечаю я. Баллы? Олимпиадники? Спасите!

– Я только вчера узнала, – облизывает губы К., нервно накручивая на палец кончик косы. – А там и так четырнадцать с половиной человек на место!

Я только глазами хлопаю. Четырнадцать с половиной? Половиной!? Пресвятые пельмешки, куда еще половину дели?

– Хотя у тебя же мать учительница, – холодно замечает К. – Ясное дело, ты в курсе.

Если честно, на этом месте я окончательно перестаю понимать, о чем речь. Поэтому смеюсь невпопад и говорю:

– Ты о чем вообще? Я сеструху просто жду!

К. недоверчиво смотрит мне в глаза, и, не найдя в них ни проблеска интеллекта, тут же расслабляется и отпускает свои несчастные волосы.

– А я думала, ты за ум взялся, – слегка улыбается К.

Я подмигиваю:

– Как я за него возьмусь? Он же в голове! – и снова по-пурацки смеюсь. Типа такой «Ха-ха-ха!»

Вот честно, если бы мог, такого пинка бы себе отвесил! Не знаю, почему, но я рядом с К. всегда начинаю вести себя так, словно только что из деревни на телеге приехал. Тпру-у-у, лошадка! Постоянно какие-то глупые шутки шучу, какие-то словечки странные использую. Сеструха... Кто вообще сейчас так говорит?

К. настолько высоко поднимает брови, что они почти теряются под челкой. И тянет тихое:

– Я-я-ясно.

Мне тоже ясно. Что я идиот!

– Ну, пока.

– Ага. Покедова.

К. разворачивается на пятках и быстро уходит. Взлетает по лестнице и даже не оборачивается, чтобы махнуть мне рукой на прощанье.

– Увидимся, – бормочу я себе под нос. И все-таки стучаю себя по башке кулаком, потому что должно же быть наказание у такого преступления.

В смысле, у моей преступной тупости!

Из коридора за раздевалками доносится такой грохот, будто там стадо буйволов вырвалось на свободу и теперь несется по ущелью, преследуя Симбу. Я невольно напрягаюсь, но из-за угла выскакивает всего-то семь младшеклашек,

не больше. И все девчонки. Вот как, ну, как семь девчонок ростом, считай, вполовину меня могут производить столько шума?

Хотя нет, погодите, восемь. Аська выкатывается последней, крепко вцепившись пальцами в лямки своего блестящего рюкзака с каким-то жуком (ей бабушка нарисовала). И смотрит в пол. Она всегда так ходит. Как пушечное ядро! Выставит круглый лоб вперед и несется, не разбирая дороги.

– А мы сегодня с Настей вместе сидели! – хвастается она таким тоном, как будто я теперь должен упасть на колени и горько рыдать, что это не я сегодня с Настей сидел. – У нас свободная тема была, и я ей медведицу-нищенку нарисовала!

Я аж слюной поперхиваюсь.

– Кого?

Аська заливисто хохочет:

– Это бабочка! У нее такое тельце мохнатое, будто в шубке, и усики волосатые. Как у Насти!

– У Насти усики? – ужасаюсь я.

– Шубка!

Жалко. Я бы с большим удовольствием на усатую второклассницу посмотрел. Бг-г-г!

– Вон, смотри! – дергает Аська меня за рукав.

Девчонки, хихикая, гурьбой идут к турникету. Одна и правда в шубе – та самая, рыжая. Значит, все-таки Настя.

– Пока, Насть! Пока, Вик! Пока, София! Пока...

Но девчонки уже уходят. Не слышали что ли? Аська вздыхает и начинает, наконец, одеваться. Натягивает толстые балоневые штаны поверх школьных брюк, повязывает шарф...

— А ничего, что они тебя не подождали?

Аська ныряет руками в рукава куртки. Застегивает молнию. Возится с кнопками...

— У них... у них дела сегодня просто.

Я благоразумно молчу. Не мое это дело.

Мы, наконец, выходим на улицу. Аська опять начинает трещать про своих насекомых и Настю. Причем вообще без логических пауз, так что и не поймешь у кого из них новый пенал, а у кого хоботок и хитиновый панцирь!

Минут через пять я не выдерживаю и макаю Аську головой в сугроб, чтоб замолчала. Работает! В итоге домой мы оба вваливаемся мокрые и довольные. А там вместо привычного и родного беспорядка ровные ряды начищенной обуви на полочке. В центре коврика стоят, как два генерала, огромные черные сапоги, и пахнет куриным супом, а это значит, случилось самое страшное.

Бабушка пришла!

* * *

Бабушкин куриный суп надо запретить на законодательном уровне.

Не знаю, зачем она каждый раз его варит. И вдобавок на-

зывает «мой фирменный»! А он мало того, что с луком, так еще и жирный настолько, что по нему желтые круги плавают. Не суп, а нефтяное пятно какое-то...

Честное слово, она что, пачку масла в него кладет?

Я этот суп с детства ненавижу. Бабушка мне всегда наливала три половника в тарелку с петушком на дне. Он был в красных сапогах со шпорами и балалайкой. Так что я давился, но ел, чтоб спасти петушка. А то ему там, под таким жирным супом, тоже небось несладко...

Вот интересно, где сейчас эта тарелка? При переезде потерялась, наверное. Мы же сначала в старом домике возле школы жили. А когда папа... В общем, сюда переехали, в эту квартиру.

Бабушкину.

И это тоже ужасно, потому что мы здесь живем уже лет шесть, а бабушка все равно не разрешает ничего выбрасывать. Вообще никакой хлам, даже старинные телефоны с диском вместо кнопок и трубкой на пружинке!

И еще бабушка, кажется, вообще не думает о том, что это мы теперь здесь живем. Приходит без приглашения, открывает дверь своим ключом и начинает все переставлять, передвигать, переключивать. Банки в кухонных шкафах, продукты в холодильнике, мамины вещи в комод... Даже Аськины ноты! А один раз мой диван зачем-то к окну передвинула, хотя там солнце утром прям в лицо фигачит.

Вот зачем, а? И не лень же человеку!

Я потом пытался вернуть диван на место, но даже на сантиметр сдвинуть не смог. Так что бабушка у нас – не бабушка, а какой-то жук-геркулес!

– Пришли? – говорит она, выглядывая из кухни. Железный половник у нее в руке сверкает в свете закатного солнца, будто топор палача перед казнью. – Мойте руки и за стол.

Мы с Аськой переглядываемся. Выпутываемся из уличной одежды. Моем в траурном молчании руки и плетемся на кухню, как на казнь.

А там он.

Суп.

– Я не голодный, ба, – мямлю я без всякой надежды.

Но бабушка только отмахивается:

– Не выдумывай!

И спорить с ней бесполезно. Тем более сейчас, когда она переставляет посуду в шкафу с таким воинственным видом, будто поднимает с колен российскую экономику. Приходится есть. Я протискиваю ложку в рот, и внутри мгновенно становится горячо и скользко. Фу, гадость какая!

Рядом Аська гипнотизирует тарелку. Наверное, представляет, как та опустошается, словно по волшебству. Вжух! Я подталкиваю к ней миску с хлебом и сам откусываю сразу чуть ли не пол куска. Так-то я хлеб не очень люблю. Но он как губка во рту: впитывает суп, и можно его глотать, почти не чувствуя вкуса.

– Ну и где ваша мать? – спрашивает бабушка, захлопывая

шкаф. Интересно, где теперь у нас чашки? А банка с кофе? А мед? Мы после прошлой перестановки салфетки так и не нашли.

– Опять на своих педсоветах?

Бабушка всегда так говорит, как будто все вокруг что-то ей обещали, но опять не сдержали слово. Мама перед ней виновата, что работает учителем математики. Я виноват – что не учусь на одни пятерки. А Аська вообще больше всех виновата, потому что...

– Совсем на Костика не похожа, – поджимает бабушка губы.

Аська втягивает голову в плечи, а с потолка (точнее, из квартиры над нами) доносятся какие-то крики и топот. Мы молча смотрим, как люстра начинает раскачиваться туда-сюда, звеня стеклянными висюльками.

Бабушка перевешивает полотенце и всплескивает руками.

– Ну, начало-о-ось. Выгнать на улицу этих Тарасовых, и дело с концом.

А потом поворачивается к нам и придирчиво инспектирует тарелки.

– Ну-ка, ешьте давайте! Кому добавки надо будет, я налью.

Добавки?!

Мы с Аської смотрим друга на друга, и в глазах у нас плещется ужас.

А в тарелке зловеще плещется суп...

* * *

«Не выдумывай», – это бабушкина коронная фраза. Прямо девиз по жизни! Она бы, наверное, с удовольствием плакат с этой фразой нарисовала и повсюду с ним за мной ходила.

Что значит, не будешь стричься? Не выдумывай!

То есть как ничего не задали? Не выдумывай!

В смысле, опять кружок бросил? Не выдумывай!

А я вообще не выдумываю. Я всегда говорю, как есть! Вот сейчас, например, говорю, что устал и хочу отдохнуть.

– Не выдумывай! – пыхтит бабушка, подцепляя штору на очередной крючок. – Устал... Ты вагоны что ли в школе разгружал?

А над плакатом у нее был бы герб с изображением тарелки с супом. Для устрашения врагов!

Я, наконец, пропихиваю в пищевод последнюю ложку масляной жижи и тут же мою тарелку, пока бабушка добавки не налила. Хотя ей сейчас не до меня – она в зале другие занавески вешает, потому что ей не нравятся, как эти вместе с тюлем смотрятся.

– Ты поел? – кричит она так громко, словно я на другом конце света, а не в соседней комнате.

– Да.

– А тарелку помыл за собой?

– Да.

– Иди сестре с уроками помоги.

Пф-ф-ф... Будто ей нужна моя помощь! Аська вообще-то гений. Не то, что я. Я в первом классе рыдал от натуги, пока все эти палочки-крючочки рисовал и буквы в слоги складывал. А она читать научилась по вывескам на улице. Доставала меня просто жуть, пока мы гуляли: Макар, что тут написано, а там, а это какая буква? Я скрипел зубами, но все равно отвечал: гастронорм, бульвар Космонавтов, это не буква, а цифра, балбесина. Ну и научилась как-то сама.

Наверное, я педагог от Бога. Похоже на то.

Я отпихиваю с дороги Ниндзю, который задрых прямо в дверном проеме, и проскальзываю в Аськину комнату. Точнее, Аськину и мамину. У нас как в восточном гареме: есть женская половина квартиры и мужская. Комнаты-то только две! Поэтому Аська с мамой спят вместе на большой двуспальной кровати, а я в зале на маленьком диванчике. Нормально вообще? Там даже ноги толком не вытянуть!

С другой стороны, никто ко мне не пристает по ночам, когда мне не спится. Я иногда до трех-четырёх ночи торчу в телефоне. Или смотрю на прямоугольник на обоях – туда, где раньше папин портрет висел. Смотрю, смотрю... И наконец проваливаюсь в сон, как ложка в тарелку с бабушкиным супом.

Плюх! И сразу на дно.

В безнадегу.

* * *

Аська нашлась под столом.

Обложились карандашами, как частоколом, и сидит раскрашивает что-то. Опять, наверное, про насекомых. Она их обожает. Всех! Даже комаров никогда не убивает. Смотрит, как они пьют у нее кровь, корчится вся от желания почесать и терпит, терпит... Я вот своих прихлопываю без разговоров. Шмяк! И в смятку.

Я закрываю дверь и ложусь прямо на пол. Просто лежу, даже, кажется, не думаю ни о чем. Ну, может, немножко о К. О том, как бы я ей ответил, если бы был нормальным человеком, а не самим собой. Достаяю телефон и пишу в заметках:

Земля тихо-тихо вертится.

Волосы К. будто светятся...

Сердце споткнулось и сбилось со счета,

Когда К. тра-та-та-та вполоборота.

Конец потом, конечно, другой придумаю. Или не придумаю, это же просто так. Да и рифма на ум не идет. Со счета... Суббота? Рвота? Зевота? Запах пота? Вообще не в ту степь! И, кроме того, невозможно же что-то придумывать, когда Аська рядом дышит, как паровоз. И смотрит в упор, будто ружье мне в висок нацелила!

– Ну, чего тебе? – спрашиваю я, не поворачивая голову.

Аська дергает пальцами нитки в ковре. Сопит и дышит,

дышит и сопит... Я не выдерживаю:

– Ну?!

– А как так вышло, что ты на папу похож, а я нет?

Я раздраженно пожимаю плечами.

– Я-то откуда знаю?

Это все из-за бабушки. Вот зачем она каждый раз говорит, что Аська «на Костика не похожа»? И иногда еще добавляет тоном вселенского разочарования – «вся в мать». Аська после этих слов всегда как пыльным мешком пришибленная. Мне, конечно, все равно. Точнее, мне должно быть все равно, но внутри неприятно все чешется. Может, меня изнутри комары укусили? Просто Аська же не виновата, что на папу не похожа.

А я не виноват, что похож.

Но мама с бабушкой, по-моему, вообще об этом не задумываются.

– Что у тебя там? – спрашиваю я, чтобы отвлечь Аську от грустных мыслей. А то весь ковер выщипает.

– Ничего.

– Показывай давай.

– Ничего!

Я перекатываюсь на живот и выдергиваю у нее из рук тетрадку.

– Отдай! – вопит Аська.

Я, конечно, поступаю по-взрослому – просто ее игнорирую. Тетрадка толстая, сорок восемь страниц, а обложка си-

реневая, вся в цветочках. Я кошусь на Аську.

– Не про насекомых что ли?

– Не твое дело!

Аська нападает на меня со спины и, наконец, вырывает тетрадку. Я и не сопротивляюсь. Во-первых, не так уж мне интересно, что там внутри, а, во-вторых, она все равно не удержится и сама все расскажет. Да и вставать лень. Я какое-то место на полу нашел удобное. О, и носок мой под креслом! Наверное, из тазика с чистым бельем упал.

– Это анкета, – выпаливает Аська. И добавляет таким тоном, словно речь про элитный секретный клуб. —Только для девочек.

– Как скажешь, – фыркаю я.

– Надо давать ее подружкам, чтобы заполнили.

– А твои заполнили?

Аська опять начинает выщипывать ворсинки из ковра.

– Они сказали... Они потом заполнят.

– Ясно.

– У меня еще не готово просто.

Ага, как же...

Из коридора доносится шум: явно мама пришла. Аська обычно несется к ней как угорелая, но сегодня даже не двигается с места. И хмурится так, что брови превращаются в галку на переносице.

Бабушка за дверью громогласно хвастается, что мы у нее и суп съели, и по пять кусков хлеба, и посуду помыли. Еще

бы! Я подползаю к креслу и прячу носок в карман толстовки, пока мама не вошла. Потом сажусь по-турецки, откидываю голову назад и закрываю глаза.

Спорим, когда мама войдет, первым делом про школу спросит? Или про домашнее задание, что, в общем-то, тоже про школу.

Рядом опять начинается какая-то возня. Аська берет мою голову руками и поворачивает к себе. Я морщусь и выдергиваю голову, а щеки по очереди вытираю об левое и правое плечо. Ладони у Аськи какие-то потные, фу.

– Мака-а-ар...

Я сразу все понимаю, без лишних слов. Тон у нее такой, как будто она меня сиропом поливает.

– Не-а.

– Ну, Макар! Ну, пожалуйста!

– Она же только для девочек?

Аська громко сопит.

– Значит, у меня будет не только.

– Ноу, – говорю я по-английски. – Невер.

– Я буду за тебя две недели Ниндзины какашки убирать.

– Ноу.

– Ну, месяц!

– Пусть подружки твои заполняют.

Удар, конечно, ниже пояса. Аська замолкает и отворачивается. Сначала просто шумно дышит своим длинным носом, а затем опять принимается рисовать. Я вижу только

сгорбленную спину и локти. Вот высунулась рука, схватила карандаш, исчезла. Высунулась, схватила другой, исчезла. Высунулась. Опять схватила. Исчезла.

– Ну, ты же мой брат, – бормочет обиженно Аська. – И ты же в восьмом классе. Может, если они увидят, что заполнил тот, кто в восьмом...

Бормотание становится совсем уж невнятным. Как будто она слова там жует! Дверь распахивается, и в комнату, стряхивая воду с рук, заходит мама. Нормально, да? Меня вот ругают, когда я полотенцем не пользуюсь!

Мама, наверное, читает мои мысли, потому что говорит:

– Бабушка все полотенца постирала, – и спрашивает. – Уроки сделал уже?

Ха, один-ноль в мою пользу! Точнее, тысяча – ноль в мою пользу, потому что я никогда вообще не ошибаюсь. Первым делом – всегда про школу. Я киваю, хотя даже не заглядывал в сумку еще. Не до того как-то было.

– Ась, а ты прописи сделала?

Аська мотает головой.

– Убирай тогда все и садись, полвосьмого уже.

Аська молча начинает собирать карандаши, а бабушкин голос зовет маму есть суп. Так громко, что к нам, наверное, все соседи сейчас сбегутся. Хорошо бы... А то там этого супа не кастрюля, а целый таз.

Мама вздрагивает. Наверное, тоже думает о том, как бы ей избежать испытания супом. А потом со вздохом плетется

на кухню. Я смотрю на то место, где она стояла секунду назад. На капли воды на полу... И говорю внезапно для себя самого:

– Давай сюда.

Сгорбленная спина выпрямляется. Аська поворачивается и бросается ко мне, но я останавливаю ее рукой. Упираюсь ладонью ей в лоб, будто мы в боевике! Это, конечно, случайно так получилось, но все равно очень круто. День прожит не зря.

– Только без щенячьих нежностей!

Аськина голова у меня под рукой быстро-быстро кивает, а сама Аська роняет мне на колени свою тетрадку вместе с пеналом, полным цветных карандашей.

Не понял? Это еще зачем?

– Ася, иди сюда, – зовет мама.

Аська с чпокающим звуком отлепляется от моей ладони и скачет на материнский зов. Только пятки об пол стучат – таб, таб, таб.

Я со вздохом открываю тетрадь. Надо же посмотреть, на что хоть я подписался. Листаю раз, листаю два, листаю три... Хватаюсь за голову и ору на всю квартиру:

– Ты издеваешься? Тут же сто вопросов!

Глава 3. Нормальные люди

Нормальные люди что в субботу делают? Правильно, ни-

чего. Ну, то есть как... Сначала спят до обеда, а потом просыпаются, вспоминают, что сегодня суббота и, рыдая от счастья, никуда не идут.

А ненормальные? Ненормальные укрепляют семейные отношения.

Не знаю только, почему для этого обязательно нужно в парк тащиться. В феврале! По-моему, на диване дома тоже можно отлично укреплять отношения. Особенно если каждый будет в своей комнате заниматься своими делами и другим не мешать.

Я подскальзываюсь и нелепо взмахиваю руками. Вот уж и правда «Макар-кар-кар»! Не дай Бог, меня видел кто-то из класса... Но вокруг никого. Оно и понятно, еще десяти даже нет!

А из дома вообще в девять двадцать вышли..

– Почему обязательно в парк-то идти? – не удержавшись, ною я.

А мама отвечает:

– Потому что я так сказала.

Ну, ясно-понятно.

Аська скачет впереди, захлебываясь от восторга. Мама ей купила розовый пуховик «на вырост», так что она в этом оверсайзе стала окончательно и бесповоротно шарообразной. Реально как колобок.

– Поворачивай! – кричит ей мама и машет рукой направо – в ту сторону, где летом пруд и утки, а сейчас каток и про-

кат коньков за конские деньги. Аська сворачивает, а я перехватываю поудобнее свои баулы. Вообще, есть у меня подозрение, что я маме с Аськой нужен тут только как выючный ослик. Должен же кто-то тащить три пары коньков, ледянку и надувную «ватрушку».

Иа-а-а!

В парке тихо, даже птицы не поют. И пусто. То ли мне в детстве казалось, что тут гораздо больше каруселек, то ли их на зиму куда-то убирают. Точно помню, что в кустах, мимо которых мы чешем, раньше был паровоз с мигалкой. Хотя он тогда уже так натужно скрипел на поворотах, как будто вот-вот сдохнет. Наверное, все-таки сдох. Аминь. В смысле, чух-чух.

Пока Аська не родилась, мы стандартно дважды в год сюда приходили. На первое сентября и на мой день рождения восемнадцатого августа. Можно было выбрать две любые карусельки и либо мороженое, либо сладкую вату. Так что я часа три страдал от мук выбора, потому что мне одинаково нравились «Орбита», «Веселые горки» и цепочная карусель. А мама с папой всегда на колесо обозрения ходили, чего я решительно понять не мог и до сих пор не понимаю.

Что такого хорошего в том, чтобы ме-е-едленно двигаться по кругу в стеклянном пузыре?

Очереди тогда, кстати, жесткие были. К «Веселым горкам» вообще минут по сорок стояли, и я прямо чувствовал, как у меня волосы от старости начинают сесть. И, главное,

даже к фонтанчику нельзя было отбежать воды попить, потому что все в очереди потом делали вид, что знать не знают, стоял ты тут или не стоял.

Эх, ностальгия!

К катку мы приходим за семь минут до открытия. Топчемся у дверей, хлопаем себя руками по бокам, как какие-то пингвины. Аське в ее «на вырост», может, и не холодно, а у меня коленки в джинсах уже заледенели.

– А я говорила, гамаши надень, – комментирует мама. Наверное, заметила, как бугрится джинсовая ткань из-за мурашек размером с куриное яйцо. Я усилием воли перестаю трястись. Гамаши! Она бы мне еще рейтузы или штаны предложила...

Какой-то дядька в телогрейке отпирает калитку на каток и снимает цепочку.

– На четыре минуты задержали, – строго выговаривает мама. – Уже одиннадцатый час.

Дядька прячется от нее в теплой будке с надписью «Касса. Прокат коньков». Может, пустит, если туда к нему попроситься?

Я, наконец, сваливаю свои баулы на деревянную лавку. Меняю кроссовки на коньки, туго затягиваю шнурки и кое-как ковыляю по ступенькам вниз, на каток.

– Макар, подожди меня! – кричит Аська.

Я громко хмыкаю. Вот еще! Сейчас доковыляю и запущу себя в центр катка, точно торпеду! Изо рта у меня будет вы-

рываться пар. И ветер будет вычесывать мысли из головы, будто сухую траву граблями. И...

БАМ!

Это я лбом вписываюсь прямо в табличку с надписью «Осторожно, пригнитесь!» Аська, хихикая, протискивается мимо и первой спрыгивает на каток, а я прямо вижу, как искры из моих глаз плавят лед и превращают его в лужу.

– Мгновенная карма, – хихикает мама, спрыгивая на каток вслед за Аськой.

А я сажусь на ступеньку и тру лоб.

Супер.

Нормально так укрепили семейный отношения.

* * *

1. Как тебя зовут?

Я пишу: «Макар».

2. Какая у тебя фамилия?

Я пишу: «Чудаков».

3. Сколько тебе лет?

Я пишу: «13».

4. В каком ты классе?

Я пишу: «8 «А».

5. Из какого ты города?

Я пишу: «Долгоречный»

6. Кто ты по знаку зодиака?

Я пишу: «Лев»

И так еще девяносто четыре раза?!

Я бьюсь головой о парту, а Тамара Максимовна громко кашляет и смотрит на меня, сдвинув брови. «Чудаков! – говорит ее ястребиный взор. – Пиши тест по Чехову!»

Я делаю такое лицо типа «Вас понял, кэп» и утыкаюсь взглядом в бумажку с вопросами. А там...

1. Укажите годы жизни А.П. Чехова:

- а) 1824 – 1890 б) 1860 – 1904 в) 1854 – 1902
г) 1814 -1841

2. Какие рассказы А. П. Чехова составляют «маленькую трилогию»?

- а) «Ионыч», «Душечка», «Попрыгунья»
б) «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Тоска»
в) «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви»
г) «Ионыч», «Крыжовник», «Дама с собачкой»

3. Как звали жену Лугановича?

- а) Елизавета Власьевна
б) Дарья Петровна
в) Анна Алексеевна
г) Серафима Андреевна

4. Как относился Алехин к сельскохозяйственным работам?

- а) С отвращением
б) С энтузиазмом
в) Равнодушно

г) *С иронией*

Жесть какая... Понятия, если честно, не имею! Потому что какая вообще разница, как там чью-то жену звали и кто как к сельскохозяйственным работам относился? Разве автор для этого писал? Ну, уж точно не для того, чтобы мы его потом ненавидели из-за троек за эти тесты.

Он, наверное, какую-то мысль важную вкладывал.

И потом, вот где мне эта информация пригодится, а? Так и вижу, как я устраиваюсь на работу, а директор качает головой и с сожалением говорит: «Извините, вы нам не подходите, вы не читали «маленькую трилогию» Чехова!»

Я широко улыбаюсь. Смешно же! Потом обвожу ответы наугад и складываю руки на парте, как хороший мальчик. К., конечно, сосредоточенно решает тест. Кот у Космоса списывает (интересно, как, у них же разные варианты), а Поинка с отсутствующим видом смотрит в окно. Того и гляди слюна изо рта потечет! Я швыряю в нее ручкой, чтоб вернулась в наше измерение, но промахиваюсь, и ручка врезается в стену.

– Чудаков! – рычит Тамара Максимовна, воинственно потрясая седыми кудряшками. – Ты написал?

Я смиренно киваю.

– Ну, так не мешай писать другим! Сиди тихонько, делай свои дела.

Я опять киваю и раскрываю какую-то тетрадку наугад, чтобы создать имитацию бурной деятельности. А это Аськи-

на анкета!

7. Какой у тебя любимый урок?

Я хмыкаю и пишу: «Уж точно не литература»

* * *

Мне от школы до дома – пять-семь минут. Но я сегодня не иду, а ноги волоку.

Во-первых, солнце. В феврале! Бьет меня прямо в левую щеку (нокаут!), и от этого хочется снять вместе с шапкой всю кожу. Идти с голым черепом и кайфовать.

Пусть проветрится.

А во-вторых, я опять про слова эти думаю. Только теперь о том, как так вышло, что они в разных странах разные. Вот существует какая-то вещь. Скажем, стол. И на одном конце света он стол, а на другом какой-нибудь тейбл! Или вообще шпыркымфуфу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.